

*Все имена и события вымышлены,
любые совпадения случайны*

Пролог

Автобаза

Не сможет убить его — будет лохом по жизни. Это Серёга понимал твёрдо. Впрочем, зlobить себя как собаку ему и не требовалось: давняя ненависть к Харлею въелась в душу глубоко и прочно. Серёга был уверен, что сегодня он всё исполнит по плану, то есть решительно и без ошибок, и даже замахнуться водки для храбрости его совсем не тянуло. Успеется.

Он знал, где Харлей прячет свой мотоцикл, — про тайное место, сама того не заметив, проболталась Маринка. Моцик у Харлея был крутым зверюгой, за него Харлей и получил своё прозвище, хотя, ясный хрен, зверюгу его переделали где-то в гаражах из обычного агрегата. Движок форсировали, глушитель сняли для понта, к обычной дуплексной раме приварили усиление, на грузовой коляске заменили рессору, вилку собрали новую, под широкое колесо. Все завидовали, и Харлею приходилось прятать мотоцикл в лесу — в городе его сто пудов уведут. Свои же пацаны и отработают просто погонять.

Харлей устроил укрытие на заброшенной автобазе. Когда-то здесь располагалась стоянка грейдеров и бульдозеров дорожного стройуправления: площадку отсыпали щебнем, ямы какие-то здоровенные выкопали, начали возводить бетонный каркас для станции техобслуживания, а потом взяли да и плюнули на всё — на фиг надо. Автобаза одичала, никто сюда не заглядывал.

На попутке Серёга доехал до остановки «Шестой километр». Отворот на автобазу находился ещё через два километра, а возле остановки с обочины соскальзывала почти неприметная тропинка, убегающая напрямик через лес. Плотно жгло солнце, на старой пустынной дороге пахло пылью, из трещин в асфальте торчала короткая и жёсткая трава, в лесу чирикала какая-то птичка.

Тропинка почти заросла. Серёга огибал густые непролазные кусты, пинал с пути упавшие гнилые стволы, продирался сквозь ветки осин. К лицу липла паутина. Сучки цеплялись за футболку, за обвисший брезентовый рюкзак. На шею сыпалась иссохшая древесная труха. Серёга быстро взмок от духоты.

В рюкзаке у него лежали фляжка с водкой и пистолет, завёрнутый в полотенце. Ствол Серёга купил в гаражах — там же, где Харлею подшаманили моцик. Правда, в обойме было только пять патронов. Два из них Серёга уже отстрелял, тренируясь по бутылкам. Обращаться с оружием он умел. Да это все пацаны умели: их тренировали на уроках военной подготовки и в школе, и в учаге. На пистолет Серёга без сожалений ухлопал две получки — пришлось два месяца сидеть на иждивении у матери. Ничего, мать потерпела.

Тропинка всё тянулась и тянулась, и Серёга даже забеспокоился: не сбился ли с пути? Лес вокруг был молодой, мусорный — осины, берёзы, вербы, ивняк в низинах. Серёга сердито ломал ветки, рвал клейкую листву, руки ему исхлестало. Справа из-под дёрна вдруг высунулась изгибом ребристая бурая автопокрышка, и Серёга догадался, что почти у цели. И вдруг издалека донёсся хриплый треск мотоцикла. Это, конечно, был Харлей — кому же ещё тут быть?

Сердце заколотилось ещё сильнее. Нет, Серёга не боялся и не сомневался в себе, хотя раньше никогда не стрелял в людей. Наоборот, его охватила недобрая истома, как при раздаче карт: вот сейчас ему выпадут козыри, ведь он лучше всех остальных, и он этих всех остальных просадит и обует.

Харлей жил в своё удовольствие. Всегда при деньгах, и всегда при нём парни и девки. Они собирались на хате у Харлея и бухали за счёт хозяина, а Харлей пил помаленьку, покуривал дорогие американские сигареты и смотрел на гостей: приглядывал девку, с которой потом уходил в комнату. Так пацаны рассказывали. Сам-то Серёга побывал у Харлея только один раз — с Маринкой, и Харлей

тогда спокойно увёл Маринку к себе, а Серёга свалил домой. Что ж, Маринка была законной подругой Харлея, и ей это нравилось. А Серёге — нет.

Серёга осознал, что идёт уже по автобазе. Под ногами хрустел щебень, но площадка заросла тонкими деревцами — сразу и не отличишь её от обычного леса. В зарослях виднелось что-то железное, в высокой траве горбились груды кирпича, за кустами мелькали какие-то полуразрушенные стены. Где-то впереди ещё раз рывкнул мотоцикл Харлея, потом клочкотанье движка затихло.

В Харлее Серёга всегда чувствовал пренебрежение — и к себе лично, и вообще ко всем, и даже к Лексеичу, Маринкиному дяде, у которого Харлей работал, и к самой Маринке тоже. А Маринка этого не замечала. Ну, девки — дуры. Лёгкая угрюмая усмешечка Харлея казалась Маринке нормальной, типа не про неё, а про других. Что ж, заценим, как Харлей сейчас будет улыбаться...

Серёга остановился, вытащил из рюкзака свёрток, достал пистолет, сунул полотенце обратно в рюкзак и встряхнулся, подвигав плечами и локтями.

Лесок поредел перед громадой недостроенного ангара. В два ряда торчали бетонные опоры с длинными балками перекрытий, стопами были сложены плиты с торчащей арматурой. Серёга обогнул облупленный вагончик бытовки с выбитыми окошками и увидел Харлея. Тот возился возле своего мотоцикла — переставлял канистры в грузовой коляске. Серёга понял, что в качестве укрытия Харлей использует яму возле фундамента: закатывает в неё мотоцикл и сверху укладывает ржавый и рваный лист профнастила.

Надо было сразу шмальнуть Харлею в затылок, но Серёге очень хотелось увидеть страх на лице врага. Серёга негромко свистнул.

Харлей повернул голову и распрямился.

— Хана тебе, гад! — торжествующе сказал Серёга, поднимая пистолет.

Харлей помолчал, оценивая ситуацию, и усмехнулся своей усмешечкой:

— Ты что, Димон, за мной с «Гарнизона» припёрся?

Серёга не знал никакого Димона и никогда не был на «Гарнизоне».

— Берега попутал, козёл? — с вызовом спросил он.

Харлей не волновался, лишь поправил матерчатый козырёк кепи. Одет он был как все — по-армейски: камуфляж, зелёная футболка, берцы.

— Оборзел в лесу, ага? — Харлей словно не замечал нацеленного на него пистолета. — Один хрен я сдам бригадам всё, что у вас там есть.

Серёге стало ясно, что Харлей принял его за кого-то другого. Его, Серёгу, Харлей видел вблизи только в тот вечер — ну, на хате, когда Серёга припёрся с Маринкой. Вряд ли Харлей его запомнил. Серёга был для него никем.

— Я Серёга Башенин, — Серёга должен был заявить, кто он такой и зачем убивает Харлея, иначе нет победы над соперником. — Я с Маринкой хожу, племянницей Егора Лексеича Типалова.

Харлей задумчиво оглядел Серёгу.

— Чмо ты дворовое, — подвёл он итог. — Отдай ствол и сдёрни отсюда.

Харлей шагнул к Серёге и протянул руку за пистолетом.

Он был одного роста с Серёгой и примерно такого же телосложения, но показался Серёге и выше, и сильнее. Сейчас он просто отнимет оружие, как у шкета какого-нибудь, а потом даст берцем под зад — крути педали, урод... Нет, этому не бывать. Сам он чмо, Харлей. Пусть сдохнет тут.

Серёга выстрелил Харлею в грудь. Эхо щёлкнуло в развалинах ангара.

Харлей остановился. Он будто бы размышлял, убит он или нет, — так в детстве пацаны решали свою судьбу, когда играли в войнушку. И Харлей решил, что убит. Ноги у него подогнулись, и он упал на спину.

Серёга огляделся по сторонам. Его потряхивало от напряжения, а в груди растекалось жгучее тепло — там, как живая тварь, ворочалась недоверчивая радость. Неужели он смог? Да, смог! Вот ведь Харлей — валяется на грязном гравии, сквозь который проросла трава! И вокруг никого. Мотоцикл. Бытовка. Громада недостроенного ангара с рёбрами опор. Штабеля бетонных плит. Тонконогий лесок. Синее небо. И нет больше этой сволочи — Харлея!

Серёга подошёл и пнул Харлея в плечо. Голова у Харлея мотнулась, и кепи свалилось. Харлей дохлый! Блин, выпить бы сейчас, да рано ещё...

Окрестности автобазы Серёга внимательно изучил ещё дома по карте. В километре от площадки находилось болото, с одной стороны ограниченное дамбой. К дамбе от автобазы вёл просёлок. Удобно, чтобы утопить труп.

Кряхтя, Серёга подтащил Харлея к мотоциклу и свалил в коляску. Ноги у Харлея торчали как две палки. Серёга залез в удобное седло, с первого толчка завёл движок и погазовал вхолостую. Крутой аппарат, мощный.

— Пора тебе, падаль, в могилу! — сказал Серёга Харлею.

Просёлок обнаружился сразу за ангаром, он даже зарос не очень сильно — так, кусты одни. Мотоцикл качало и потряхивало, руль прыгал у Серёги в руках, ветки скребли по коляске, по колену Серёги, по крышке картера. Серёга думал, что хорошо бы оставить моцик себе — но нельзя. Вообще нельзя ничего забирать из имущества покойника. Типалов наверняка будет искать Харлея. Вдруг Типалов или Маринка увидят какую-нибудь его шмотку у Серёги?..

По дамбе Серёга доехал до невысокого откоса, забетонированного вокруг дренажной трубы. Похоже, трубу давно заткнуло мусором и всякой дрянью — с другой стороны дамбы стеной стоял ивняк и никакого водотока не имелось. Ну, нормально вроде бы. Серёга остановился, выключил двигатель, слез, обошёл мотоцикл и с натугой вывалил Харлея из коляски на землю.

Харлей тихо захрипел. На губах у него появилась кровавая пена.

Живой, что ли? Вот ведь гад бессмертный!

Серёга, конечно, удивился, однако новый поворот дела уже ничего для него не значил. Он убил Харлея — и баста. Станет тот булькать в болоте или не станет — неважно. А болото словно поджидало. Оно расползлось по низине как-то бесстыже и нагло. Кое-где чернела вода, но в основном поверхность была бурой и гнилой, с клочьями травы, с камышом и осокой. Из поганой жижи выставлялся склизкий и сучковатый валежник, облепленный тиной. На подтопленной и прокисшей опушке леса чахлые деревца покосились, готовые упасть. Пахло тухлятиной. Короче, гиблое место. Вдали тупо орала лягушка.

Серёга подтащил тяжеленного Харлея к откосу и пихнул ногой. Харлей неохотно покатился вниз и вяло бультыхнулся в дряблую ряску. Погружался он медленно, будто по частям: живот, грудь, колени, бледное лицо, безвольные руки — и всё-таки затонул весь целиком. В ряске образовалась длинная дыра, всплыли мелкие пузыри. Серёга швырнул в воду и пистолет.

Он ещё долго торчал над откосом, глядя, как потихоньку уменьшается дыра в болотине. Харлей захлебнулся, в этом нет сомнений, и теперь уже точно мёртв. Серёга ощущал себя как-то странно. Жизнь кажется непонятной, запутанной, всё сливается так, что не разделить, — а в натуре жизнь состоит из очень конкретных вещей. И правильно он сделал, что не стал ревновать Маринку, не стал скакать вокруг неё, доказывая своё превосходство, не стал бодаться с Харлеем — в общем, маяться дурью. Он без базара взял и убил врага. Рисково, конечно, зато дальше всё будет однозначно.

Серёга повертел головой. Теперь надо избавиться от мотоцикла, затопить его где-нибудь подальше — но это уже не трудно. А потом можно и выпить. Заслужил.

Соцгород Магнитка (I)

Он ничего не помнил о себе, ничего не понимал. Кто он? Где он? Каким образом он здесь оказался? Куда идёт? Что вообще такое с ним творится?

Еле передвигая ноги, он брёл по асфальтовому шоссе, вернее по старой дороге со вспученным и растрескавшимся асфальтом. Из трещин кое-где росла трава. Валялись обломанные ветки и сбитые ветром шишки. Канавы никто не чистил, из них торчал высоченный бурьян — дикий, вольный, без обычной пыли от проезжающих машин. За бурьяном плотной стеной клубился и шумел молодой лиственный лес — непролазный, дурной, жадный до света. Где-то в глубине этой чащи угадывались растопыренные тёмные ёлки, верхним ярусом вздымались кроны сосен. Небо тихо обжигало просторной и горячей синевой. Похоже, день клонился к вечеру: солнце висело уже низко и не слепило, поперёк шоссе вытянулись длинные зубчатые тени. Где-то стучал дятел. Пахло смолой, свежестью зелёной листвы, потаённой грибной прелью.

В общем, в самый раз для блаженства, если он явился сюда из города, где застойная духота многолюдных улиц и запах автомобильных выхлопов. Да, в самый раз — но ему было плохо. Тошнило так, что желудок дёргалось к горлу. Болело в животе, ломило грудь, ныли колени и локти, а голова раскалывалась. Хуже всего, что лес качался в глазах и шевелился, будто огромный паук, дорога зыбко двоилась, расплываясь миражом, в небе мерцали тёмные кольца.

Грязная одежда засохла коркой, тёрла жёсткими складками, а в ботинках ещё чавкала жижа. В волосах запуталась какая-то тина. Руки были в зелёно-бурых разводах, лицо наверняка — тоже. Он сплюнул — и плевок тёмный...

Он шёл и шёл, шёл и шёл, точно у него имелась какая-то цель. Впрочем, цель имелась: увидеть хоть что-то, чтобы

хоть чуть-чуть начать соображать. Дорога ползла по лесу в мучительном безвременье. Рябины, берёзы, липы, кусты ивняка, глухой малинник, бурьян. Дорога медленно повернула, и вдали наконец показалась косая дырявая будка. Автобусная остановка из вкопанных труб и ржавых листов гофрированного железа. Рядом — куча заросшего травой мусора. На табличке еле читалась облупленная надпись «6-й км».

Он обессиленно сел на скамейку — на доску, положенную поверх двух приваренных кронштейнов. В тени всё равно было жарко. Он понял, что никуда больше не пойдёт — лучше сдохнуть; он привалился спиной к железу и закрыл глаза. В лесу перекликались птицы, и в голове тоже звенело.

Наверное, он отключился. Сознание словно плавало в какой-то вязкой мути, распадаясь невнятными картинками: какие-то лица, дома, заплесневелые коряги, бетонные стены, деревья, ступени, уводящие в сумрак, белые облака... В реальность его вернул сиплый автомобильный гудок.

Возле ржавой будки стоял грузовик. Обычный грузовик с кузовом.

Усатый водитель опустил стекло в дверке и крикнул:

— Серый, давай залазий! Подброшу до дома!

Он — это Серый, то есть Серёга, Сергей?..

— Оглох, что ли? — поторопил водила.

Он — Сергей — с трудом поднялся, обогнул капот и открыл другую дверь. Еле влез в высокую кабину, еле успел захлопнуть дверь за собой — водила уже двинул рычаг. Нет, этого усатого мужика он — Сергей — не узнавал.

— Чё тут делаешь? — спросил водила, ворочая прыгающий руль.

Грузовик потряхивало на колдобинах.

— Ничего не помню, — без голоса ответил Сергей.

— Бухал, что ли, с кем в лесу?

— Не помню...

Водила усмехнулся:

— Молодой был, так мы тоже за город бухать гоняли, на речке у нас место было. Я тоже терялся, только с девкой, не один. Эх, блин!.. — водила вздохнул. — Сушняк, небось, мучит? Вон термос стоит, жена в рейс мне компот дала.

Сергей не смог удержаться — выпил весь компот до сухофруктов на дне.

Грузовик подвывал изношенным двигателем, гулял по шоссе то вправо, то влево, объезжая кривые бугры и ямы, засыпанные гравием.

Город начался неожиданно быстро. В зелени мелькнуло что-то жилое, а потом вдоль дороги выстроились в ряд оштукатуренные двухэтажные дома. Дорога превратилась в улицу с трамвайными рельсами, откуда-то вынырнул и сам трамвай — угловатый, облезло-красный вагон. Низкие дома сменились массивными пятиэтажками, какими-то очень основательными и старомодно-помпезными: с эркерами, карнизам и балюстрадами на крышах. Казалось, что в этих величественных зданиях непременно должны жить герои. Сергей молча разглядывал людей на тротуарах. Люди как люди... Тётки с авоськами, пацан на велосипеде, молодая женщина с коляской, три мужика курят на углу под липой, бабка тащит внука за руку... Тошнота и слабость искажали восприятие, и у Сергея не получалось понять ощущения: то ли он прожил в этом городе всю жизнь, то ли не был здесь никогда. Всё знакомо — и ничего не отзывается.

На краю небольшой площади водила притормозил у обочины. Сергей смотрел на площадь. Первые этажи домов занимали магазины: «Галантерея», «Промтовары», «Обувь». Из дверей «Гастронома» торчала очередь.

— Чего сидишь? — спросил водила. — Вон твой дом.

Сергей завоzilся, выбираясь из кабины.

— Матери привет, — вслед ему сказал водила.

Озираясь, Сергей направился к своему дому. Трудно было поверить, что всё вокруг — его город, его мир. Тут у него друзья, работа, мать... Как можно это забыть? И почему он

это забыл? Должно ведь хоть что-то торкнуть в душе — какой-то ракурс, тень, какая-то мелочь, какая-то привычка...

Обогнув угол дома, Сергей очутился во дворе. Видимо, обычный двор. Тесные балконы, загромождённые хозяйственным хламом, — над перилами торчат длинные рейки. Крашенные железные гаражи. Детишки копаются в песочнице. Тополь. Клумба, огороженная низеньким заборчиком. У подъезда на лавочке сидят старухи. Столбы с перекладинами и верёвками, на верёвках висит бельё. В деревянной беседке три парня пьют пиво. Из окна второго этажа высунулась женщина, повертела головой и закричала:

— Сашка! Сашка! Пора домой ужинать!

Сергей надеялся, что бессознательно сам найдёт свой подъезд, однако ноги никуда его не повели. Он нелепо застыл возле куста акации.

Парни в беседке оставили пиво и вышли наружу. Что-то нехорошее было в их ухмылочках. Сергей их явно заинтересовал — или они как раз его и ждали?

Парни приблизились. Лёгкие рабочие куртки, растянутые майки, мятые спортивные штаны. Один — косой, другой — с золотой цепочкой на шее.

— Думал, не вычислим тебя, Башен? — с пренебрежением спросил косой.

Сергей не знал, что отвечать, и молчал.

— Магнитка — город маленький, — добавил третий парень.

Второй, который с цепочкой, ничего не говоря, поднял сжатый кулак, покачал им, будто прицеливался, и вдруг коротко и точно ударил Сергея в скулу. Сергей отшатнулся, в голове у него рассыпчато зазвенело. Парень с цепочкой быстро сунул ему в второй раз, и третий.

Вдалеке у подъезда всполошились зоркие бабки на лавочке.

— Чего творите, хулиганы?! — гневно закричала одна из них.

Парни не обратили внимания.

— Андрюха, с ноги ему впечатай! — азартно предложил косоглазый.

Тот, который не имел никаких примет, ловко прокрутил приём какого-то восточного единоборства и ударил Сергея ногой в живот.

Сергей упал набок. Внутри у него бултыхнуло, и горлом хлынул компот.

— Сразу блеванул! — хмыкнул косой и пнул Сергея в рёбра.

Сергей лежал, корчась, и кашлял. Парни обступили его, как деревья. Они явно готовились пинать Сергея и дальше.

— Серёжа! Серёженька! — где-то кричали бабки. — Они человека убивают!..

С парнями, напавшими на Сергея, случилось что-то непонятное: они разом повернулись куда-то в другую сторону — смотрели на кого-то другого. А этот другой не боялся ублюдков — или же ублюдки были чем-то поражены.

— Чё такое?.. — изумлённо охнул косоглазый. — Башенин, ты откуда?..

Договорить он не успел — отлетел, всплеснув руками.

Тот, который знал восточные приёмы, опять прокрутил свой удар ногой, однако новый противник перехватил его ногу в воздухе, и парень грянулся на спину. Ублюдок с цепочкой сам отскочил подальше.

— Башен, ты как это?.. — обиженно крикнул он.

— Вали со двора! — рявкнул ублюдкам неизвестный спаситель.

Сергей услышал топот ног — ублюдки убегали.

Сильная рука схватила его за плечо и усадила в художественно вертикальном положении. А потом воцарилась странная опустошённая тишина. Спаситель стоял над Сергеем без движения, будто окаменел. Сергей плохо видел его на фоне слепящего вечернего неба — только тёмный силуэт.

— Ох-хренеть... — тихо произнёс спаситель.

Он присел перед Сергеем на корточки, вглядываясь в его лицо. И Сергей тоже увидел лицо спасителя — точнее, своё собственное лицо, один в один.

— Ты кто такой? — потрясённо спросил двойник Сергея.

— А ты кто? — ответил Сергей.

Соцгород Магнитка (II)

— Серик, ты кого тащишь-то в дом? — испугалась мать.

— Включи лампочку, мам! — ответил Серёга.

Он толкнул гостя вперёд и захлопнул дверь. Мать — вечно она экономила — зажгла свет в тесной прихожей, куда еле влезали два взрослых человека.

— Узнаёшь? — с вызовом спросил Серёга.

Гость, парень-двойник, торчал как чурбан, не зная, что делать. Мать тихо отступила в комнату и закрыла рот руками. Глаза её округлились.

— Во дворе подобрал, — пояснил Серёга, скидывая кроссовки. — Его там шпана с Ленинградки побила, приняла за меня.

Квартира у Серёги с мамой была маленькая, но двухкомнатная. Мать занимала крохотную, как шкаф, спальню, а Серёга жил в комнате побольше — мать уважительно называла её залой. Серёга в носках шагнул из прихожей в залу и развернулся, рассматривая гостя как некое крупное приобретение — вроде холодильника или новогодней ёлки. Вид у гостя был жуткий.

— Снимай говноштупы свои, — распорядился Серёга. — Иди в ванную, руки и морду умой. Мам, где полотенца лежат?

— Простите за беспокойство... — вдруг хрипло произнёс гость.

Мать вздрогнула, будто заговорила статуя.

Серёга сунул гостю в руки полотенце:

— На. Ванная вон справа.

Он притворил дверь в прихожую.

Примостившись на краешке дивана, мать глядела куда-то в пустоту.

— Мам, ау! — окликнул её Серёга, стаскивая брюки и натягивая домашнее трико. — Давай на кухню. Пожрать, что ли, приготовь. Я же со смены.

Ошеломление от встречи с двойником у Серёги уже прошло. Да его и не было-то, наверное, ошеломления. Просто он, Серёга, столкнулся с парнем, похожим на него самого. Охренеть как похожим. Ну, бывает. А брата у него никакого сроду не имелось. Ни о чём таком мать не говорила.

— Это Митя, — поднимаясь с дивана, тихо сказала мать. — Твой близнец.

Серёга будто отяжелел под чем-то мягким и неподъёмным.

— Ты чего такое заявляешь? — возмутился он.

За окном, звеня, по рельсам простучал трамвай.

Мать подошла к серванту и, кусая губы, начала поправлять фотокарточку между стёкол — она и трёхлетний Серёжка.

— Был у тебя брат, Серик... Ну, есть. Я же двойню родила. Назвала Митей и Серёжей. Тебя забрала, а Митю на больничке оставила.

Серёга взял со стола сигареты и закурил, хотя в квартире он обычно не курил. В голове словно что-то свистело, как на сквозняке. Он даже растерялся. Обнаружить брата — это словно обнаружить в своей квартире третью комнату. Вроде хорошо, но комната уже с жильцом.

— И чё делать? — глупо спросил Серёга.

Мать пожала плечами и вытерла пальцем глаза.

Серёга разозлился. Он не хотел ничего менять в жизни. Всё ведь и так зашибись. Работа у него нормальная, хата есть, и Харлея он убрал с пути — Маринка теперь достанется ему. Какой, блядь, брат? На хера он нужен?

Серёга чуть приобнял мать за плечи:

— Не парься, мам. Сначала давай про этого Митю всё узнаем. Что за типок такой нарисовался? А потом ты мне всё расскажешь, идёт?

Мать всхлипнула и кивнула.

В ванной затих шум воды, и вскоре в двери прихожей появился Митя. Босой. Лицо и руки — чистые, а футболка и штаны — грязнушие.

— А я вообще-то ничего, — оценив его, заметил Серёга. — Красивый.

— Пойдёмте на кухню, ребятки, — тонким, не своим голосом сказала мать. — Покушать что-нибудь вам приготавлию.

Кухня была такой же маленькой, как и прихожая. Серёга указал Мите на свою табуретку возле окна: гостю — лучшее место. Из холодильника Серёга вынул початую бутылку водки, из подвешного шкафчика — гранёные стопки.

— Ты — Митя, Дмитрий значит, — веско сказал Серёга, разливая водку. — Я — Сергей. А это — наша мама, Вера Петровна. Мы с ней — Башенины.

— Я тоже Башенин? — наивно спросил Митя.

Серёга фыркнул, точно брат был недостоин его фамилии.

Мать возилась у плиты, чем-то брякала.

Серёга заметил, что Митя деликатно озирается. Наверняка пытается вспомнить свою жизнь, как-то разместить себя в новой обстановке. Парень, похоже, из городских: скромный, культурный такой. Городскими называли жителей больших городов — Челябин, Еката, Уфы. А соцгород Магнитка и ей подобные заводские поселения за настоящие города уже давно не считались. И городских здесь, мягко говоря, не любили.

— Выпьем, — предложил Серёга. — Мам, не отставай.

Они выпили. Мать зажмурилась и принялась махать в рот ладонью, будто остужала, а Митю едва не вырвало, но потом ему на глазах полегчало — водка возвращала силы. Серёга же накатил спокойно, как воду.

— Рис с тушёнкой у меня!.. — спохватилась мать. — Кушать вам надо!

Она вскочила и кинулась к плите.

— Сразу поясню, браток, — по-хозяйски расслабленно заговорил Серёга. — Ты с нами здесь не жил никогда. Я за тебя вообще не слышал. Давай колись, кто ты, откуда, как сюда попал?

— Ничего не помню, — виновато ответил Митя. — Очнулся в лесу — иду по шоссе, вокруг никого, карманы пустые, всё болит, весь в грязи...

Мать у плиты тяжело вздохнула от сострадания.

Серёга чувствовал, что Митя не врёт. Да и зачем ему врать?

— Может, ты ехал куда на попутках? — предположил Серёга. — Ну, тебя грабнули и выбросили на дорогу. Дали по башке — она и повредилась.

— Не исключено, что и от сотрясения мозга амнезия, — согласился Митя.

— Может, ты к нам ехал? — с надеждой спросила мать. — Ну, познакомится, посмотреть на родственников...

Митя беспомощно развёл руками.

Мать включила в кухне свет — за окном уже темнело — и поставила на стол сковородку с ужином.

— Бедно у нас, не обессудь, — сказала она.

— Да уж, бананьев нету, — хмыкнул Серёга. — Не городские разносолы.

Он снова разлил водку, и они снова выпили.

Митя ел вежливо, аккуратно, но Серёга видел, что он голоден как волк. Серёге интересно было наблюдать за братом — будто за самим собой в зеркале. Ощущения были непонятные. Хотелось угостить брата чем-нибудь ещё, как себя, — или врезать по морде. Ведь собственный облик принадлежал только ему, Серёге, и тот, кто пользовался им, этим обликом, — вор. Мать присела чуть в стороне на табуретку и тоже смотрела на Митю, но жалостливо.

Митя наконец отложил вилку.

— Простите за бестактность, — осторожно сказал он. — Но получается, вы про меня вообще ничего не знаете, да? Я жил отдельно? А почему?..

Серёга уже понял почему, но ответ обидел бы маму.

— По кочану, — грубо отрезал он.

А мать заплакала:

— Война же, Митенька...

— Какая война? — искренне удивился Митя.

— И этого тоже не помнишь? — опять разозлился Серёга.

— Амнезия...

— Хуямнезия!

Серёга налил себе одному, выпил и встал.

— Вымыться тебе надо полностью, братец, воняешь, — бросил он, умиряя гнев. — Титан включу, чтобы вода нагревалась. Шмотки свои дам.

— Искупайся, а твою одежду я постираю, — тотчас пообещала мать.

Серёга пошёл в прихожую. Света здесь уже не было — мать сэкономила. В темноте Серёга споткнулся о ботинки Мити и в сердцах выругался, нашаривая выключатель. Вспыхнул жёлтый пластмассовый плафон. Расшнурованные армейские берцы брата валялись прямо посреди прихожей, как огромные дохлые крысы. Серёга вдруг вперился в них, и в голове замелькало. Такие же берцы были у Харлея. Серёга вёл мотоцикл, мёртвый Харлей лежал в коляске, а его ноги, обутые в берцы, торчали вровень с рулём...

Харлей... Тогда — перед выстрелом — он ведь принял Серёгу за кого-то другого... Он сказал: «Димон, ты за мной с “Гарнизона” припёрся?» Димон... Дмитрий... Митя... Харлей принял Серёгу за Митю! Они были знакомы!

А ведь Маринка говорила ему о последнем маршруте Харлея... Серёга стоял в прихожей и вспоминал, как гулял с Маринкой по Ленинградке. У него-то нет никакой амнезии, он всё помнит... Бли-и-ин... Ну и дела... Вот, значит,

кто ты — братец Митенька!.. Ты — из тех городских мудак-ков, что упрямо сидят на объекте «Гарнизон», сдвинутые мозгами на своей долбаной хрени... Ты, Митенька, пришёл не к брату и не к матери... Ты шёл за Харлеем!

Соцгород Магнитка (III)

Серёга виделся с Маринкой недели три назад, в конце июня. В последних числах месяца обычно отоваривали талоны, и Серёга пошёл в гастроном на Ленинградской за водкой. Так-то он пил редко, дома уже скопилось бутылок пять, но не пропадать же талонам. И в очереди он заметил Маринку — недалеко от кассы. Он пристроился рядом, хотя дело, конечно, было не в длине очереди.

— Эй, парень, ты здесь не занимал! — недовольно загомонила очередь.

Возле Маринки Серёгу всегда охватывала какая-то дурацкая лихость — или угрюмая злоба, как тогда, когда он оставил Маринку Харлею.

— Это жена моя! — оборачиваясь, весело пояснил Серёга.

Маринка возмущённо фыркнула, сдув с глаз чёрную чёлку.

— Чё несёшь! — ответили из очереди. — Она ещё со школы!

Маринка только что окончила учагу и считала себя взрослой.

— Не со школы ни с какой! — отсекала она. — Стойте и не лезьте к людям!

— Хамка малолетняя! — сообщили из очереди.

Маринка и Серёга одинаково отвернулись, чтобы не связываться.

С Маринкой Серёга познакомился на комбинате. Он работал на скиповом подъёмнике, а Маринка тогда ещё училась: Типалов подсуетился, чтобы его племянницу приняли в группу бризолосинтеза, и потом Маринка получила бы непыльную должность оператора ректификационной колонны. В тот день из учаги привели экскурсию, чтобы

показать производство. И Серёга сразу отметил эту девку с чёрным хвостом. Она напоминала вороного жеребёнка.

— Как выпускной отметила? — негромко спросил Серёга.

— Нормально, — Маринка жевала жвачку. — Напились все как дураки.

— А ты сама пила?

— Я-то немного. Не как эти.

— Что делать собираешься после учаги? — улыбаясь, допытывался Серёга. — На комбинат пойдёшь? Оператором?

Серёга знал, что комбинат Маринка ненавидит. Вернее, презирует.

— Не пойду я туда! — Маринка строптиво махнула хвостом.

— Егор Лексеич ради тебя столько жоп там вылизал.

Егор Алексеич Типалов, Маринкин дядя, заменял ей отца.

— Да мне пофиг! Я для него эту долбаную учагу закончила, и хватит!

— Работать-то надо, — заметил Серёга. — Или хочешь у дяди на шее сидеть?

— На комбинат говно варить я не пойду!

Серёга даже обиделся. Бризол — не говно, а главное топливо в мире!

— Я же варю — и ничё, — глупо сказал он.

— Ну и вари, кому ты нужен! — Маринка гневно надула пузырь из жвачки.

«Кому ты нужен?» — повторил про себя Серёга. Вот Маринке-то он как раз и не нужен, потому что работает на комбинате, а не Бродяга, как Харлей.

Маринка не хотела смиренно оттрубить всю жизнь оператором. Серёга знал, о чём она мечтает. Мечтает быть красивой, опасной и загадочной: ездить в командировки, на вездеходе ломиться сквозь дикие чащи, стрелять с борта по комбайнам... Мечтает командовать грубыми и крутыми

бойцами. Конечно, командировки — это хороший заработок, но Маринке нужны вовсе не деньги; она хочет жить интересно и рискованно, как её дядя. Она хочет увидеть тот страх, что таится в лесах, по которым упрямо пробираются отчаянные бригады, хочет испытать себя на прочность и, ясное дело, победить. Она же лучше всех.

Их очередь придвинулась к прилавку. Серёга достал свои два талона и соединил их с тремя талонами Маринки — на неё, на мать и на Типалова.

— Десять бутылок им, — бросила продавщица мужику-разнорабочему и отсчитала сдачу — сорок рублей.

Мужик сноровисто выставил на прилавок десять бутылок.

— Говорил, только за себя с женой берёшь! — заметили Серёге из очереди.

Ничего такого Серёга не говорил.

— Так ещё за детей! — буркнул он.

Маринка засмеялась. Она уже забыла спор.

У крыльца гастронома Серёга перераспределил груз: себе — две авоськи по четыре бутылки в каждой, Маринке — лёгкую авоську с двумя бутылками. На площади, лязгая, поворачивал трамвай. Вдали, в перспективе улицы, была видна синяя река, а за ней — промышленные башни, трубы и дымы бризолового комбината. С тополей вдоль по тротуарам ветерок нёс белый пух.

У Маринки в кармане короткой курточки закурлыкал телефон.

— Приве-ет, — певуче произнесла Маринка, делая Серёге знак подождать.

Телефон у Маринки был розовый, девчачий, с какими-то звёздами.

По голосу Маринки Серёга мгновенно догадался, что звонит Харлей. И Серёгу тотчас окатило ненавистью. Серёга, будто играя, наклонился поближе к Маринке, чтобы слышать соперника. Маринка сделала страшные глаза — «Мешаешь

ведь!» — но не отстранилась: пусть Серый слышит. Маринка не дразнила его, а просто хвасталась своим крутым мужиком.

Раньше Серёга ломал голову: если Маринка трахается с Харлеем, почему тогда не отошлёт его, Серёгу? Неужели не понимает, с какой целью Серый упорно ходит вокруг неё? Но потом Серёге стало ясно: Маринка — та ещё поганка. С подружками ей скучно, потому что подружкам любопытна не она сама, а Харлей — парень с деньгами, к тому же загадочный Бродяга. А Серому на Харлея положить с прибором. Серому важна только Маринка. Что она думает, что чувствует, что делает, о чём мечтает... Ради такого преданного и честного восхищения Серёги можно смириться и с его приставаниями.

— Я шестого числа вернусь, — звучал в трубке голос Харлея. — Мотоцикл на автобазу отгоню, помоюсь, и завалявайся вечером на хату.

— Ла-адно, — жеманно согласилась Маринка.

Тогда Серёга и подумал: надо убить Харлея, сколько ещё терпеть такое!

— Ты чего подслушиваешь? — весело спросила Маринка, убирая телефон.

— На хера тебе этот Харлей? — желчно ответил Серёга. — Он же через пять лет с концами в леса свалит, как все Бродяги. Как твой батя.

Маринка непокорно мотнула хвостом:

— Может, не свалит? Может, не через пять лет?

Серёга плюнул на тротуар, выражая своё мнение о глупости Маринки.

— Ты же всё равно его не любишь! Тебе не запахло с ним спать?

Маринка передёрнула плечами: чё за глупости?

— Ты не врубаешься, Серый, — снисходительно сказала она. — Как ты, на комбинате я работать не буду! В жопу комбинат! В жопу соцгород! Харлей дядь Гору нагнёт, и я, короче, на командировки буду ездить, как тётя Лёна.

Серёга знал, что Егор Лексеич берёт в командировки свою любовницу.

— И денег больше, чем на комбинате, и вообще.

— Лексеич будет против, — не поверил Серёга. — Не нагнёт его Харлей.

— Нагнёт. Бродяга всегда бригадира нагнёт.

Люди, что шли по тротуару навстречу Серёге и Маринке, смотрели на них неодобрительно: такие молодые — и столько водки несут.

— Если дядь Гора откажется, мы с Харлеем на другую бригаду свинтим. Бродяги всем нужны. А Харлей нашёл целый лес «вожаков» на Ямантау. Он мне с телефона сказал. За лес «вожаков» дядь Гора на всё согласится.

— Ну ты и красава! — признал Серёга с осуждающей похвалой.

Маринка всех заставит подчиниться своему желанию: Харлея — койкой, дядю-бригадира — Харлеем. А Серёге смяло душу давнее горькое ожесточение. Командировки — это херово, можно и не вернуться. И денег за них не так уж много платят. Маринка ни шиша не соображает.

— Ямантау — гиблое место.

— Комбинат — гиблое место.

— В лесу — радиация и чумоходы, — упорствовал Серёга. — На Ямантау — объект «Гарнизон», а там всё заминировано, и никто туда не суётся.

— Фигня, сказки это! — насмешливо заявила Маринка. — Харлей разведал дорогу на Ямантау. А в «Гарнизоне» вообще городские торчат. Которые «зелёные». Они там какие-то опыты делают. Харлей с ними познакомился.

— И чё, никак тебя не отговорить? — Серёга ещё не потерял надежду.

Маринка закатила глаза — «Ну, придумай что-нибудь, если ума хватит».

— Когда вы уезжаете?

— Дней через пять или через неделю. Харлею отдохнуть надо, а дядь Гора бригаду соберёт и мотолыгу подремонтирует.

— И сразу на Ямантау?

— Угу! — кивнула Маринка. — Харлей сказал, что там «вожаков» — каждому с бригады по косарю отстегнут. Зашибись!

За косарь Серёга на комбинате три месяца вкалывал.

— Слушай, Марин, я тебя нормально же прошу, — вздохнул Серёга. — Забей на всё — на Харлея, на командировки... Ну гнилая тема же.

Маринка снова надула пузырь из жвачки.

— А чё ты мне взамен предложишь, Серый?

Кроме себя, Серому предложить было нечего, а он — это не круто.

От трамвайной остановки им навстречу шли два парня, оба возраста Маринки, то есть года на три помладше Серёги. Один — в спортивном костюме и заметно косоглазый, другой — голый по пояс, в чёрных очках и с крупной золотой цепочкой на шее. Серёга с одного взгляда уловил их внутреннюю слабость: спортивный типа как демонстрировал, что он качок, отвлёкся от железа на тренировке, а полуголый показывал, что он весь на расслабоне.

— Не хило водясыком-то на двоих затарились, — заметил косоглазый.

— Поделись по-братски, — нагло добавил тот, что с цепочкой.

— Вали! — отмахнулся Серёга.

— На чужом районе не бурей, — с угрозой сказал полуголый с цепочкой.

Серёгу душила злоба на Маринку, точнее на свою судьбу. Он осторожно опустил на асфальт звякнувшие авоськи и, оскалившись в улыбке, жестом указал парням на бутылки: угощайся, прошу!

— Ты чё, без байды? — хохотнул косоглазый.

— Да нам хватит, пацаны. Берите по одной.

Эти шпанюги были уверены, что предъявили себя правильно и на районе они хозяева, а чужак вправду отдаст им водку. Тот, который с цепочкой, сделал шаг к Серёге и наклонился к бутылкам. Серёга сразу ударил его снизу в солнечное сплетение. Парень, хрипя, согнулся ещё больше, и Серёга пнул его в голую грудь. Парень осел на асфальт.

Косоглазый проворно отскочил.

Маринка спокойно смотрела на драку и жевала жвачку.

— Двигаем, — хмуро сказал ей Серёга. Ему стало легче.

Он поднял авоськи и прошёл мимо косоглазого.

— Ответишь! — уже в спину ему крикнул косоглазый. — Мы тебя вычислим!

Соцгород Магнитка (IV)

Ужин, водка и горячая вода совершили подлинное чудо: Митя ощущал, что потихоньку воскресает. Конечно, он страшно устал, просто вымотался, но это была правильная усталость — от долгого дня, а не прежняя болезненная немощь, будто бы тело оказалось чужим. Сознание порой ещё плыло, словно его нарушали помехи при неуверенной трансляции, однако так бывает, когда от слабости засыпаешь на ходу. И почти не тошнило.

Серёга закидывал чаще Мити, и его порядком развезло. Серёге хотелось продолжить выпивать, да и побазарить тоже. Захмелев, он стал разговорчив и благодушен, его переполняли разные идеи и причудливые планы.

Вера Петровна работала на комбинате табельщицей, ей надо было рано вставать, и Серёга решил дать ей выспаться нормально. Он захватил бутылку, стопки, сигареты, рыбную консерву на закуску и выбрался с Митей в подъезд. Здесь светила жёлтая лампочка. Голоса звучали гулко. Серёга сел на ступеньку лестницы и пошлёпал ладонью рядом с собой:

— Садись... Не морщи морду, тут не грязно, мы с подъезда моем по очереди... Да и штаны у тебя всё равно мои.

— Я лучше постою, — ответил Митя.

Серёге было пофиг.

— Матушка говорила, что отец на комбинате погиб при аварии, — поделился он. — Я сначала верил. Чё, мелкий ведь был... А когда вырос, в шестом, что ли, классе уже, подумал, что отец в лес ушёл. Да и хер с ним. Все заражённые так делают. У моей подруги, у Маринки, батя тоже в лес свалил.

Судьба отца Серёгу и в детстве не волновала. У многих ребят в его классе отцов не было, потому Серёга воспринимал это как дело обычное.